

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Голодные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625595

Аннотация

«Пришлось мне недавно поехать вёрст за сто вниз по Волге, и на обратном пути видел я голодающих. Они хлынули на наш пароход с одной из пристаней; их было около сотни, всё больше старики, старухи, бабы с грудными ребятами на руках и дети, — много детей!».

Максим Горький

Голодные

С натуры

Пришлось мне недавно поехать вёрст за сто вниз по Волге, и на обратном пути видел я голодающих. Они хлынули на наш пароход с одной из пристаней; их было около сотни, всё больше старики, старухи, бабы с грудными ребятами на руках и дети, – много детей! Тут были все возрасты – от недельного ребёнка до десятилетних парнишек, желтоволосых, чумазных, с острыми рожицами, обтянутыми бескровной серой кожей. Цепляясь за подола матерей и бабушек, они молча сбегали по сходням на пароход и, очутившись на просторной, чистой палубе, останавливались и смотрели вокруг широко раскрытыми, серьёзными глазками. Взрослые крестились.

С утра весь день шёл дождь, и все эти большие и маленькие, но одинаково беспомощные люди были перепачканы в глине, облепившей их ноги, лохмотья и пустые котомки.

– Проходи на корму! В четвёртый класс иди! – командовали им матросы.

И они тяжело двинулись по указанному направлению, молчаливые и сосредоточенные в своём горе.

– Откуда вы? – спросил их кто-то из пассажиров.

– Из-за Пьяны...

– Куда едете?

– Сбирать...

– По миру...

– Не подают в наших-то местах...

– Трое суток шли вот...

– Которые в город поедут, которые в Лысково...

Голоса – надорванные и глухие, на иных лицах стыд и смущение, большинство равнодушно и тупо; две-три рожи испорчены противными минами ханжества, и это как раз самые сытые и плотные фигуры в общей массе усталых, тощих, ободранных людей с подведёнными животами и растерянными взглядами.

На нарах четвёртого класса все места заняты, и, свесив оттуда головы, публика, тоже не особенно сытая, молча смотрит на палубу, посреди которой располагаются новые пассажиры.

Высокий, бородатый, угрюмый мужик в худом армяке и в лаптях роется в пещуре, достает краюху чёрствого пшеничного хлеба и протягивает вниз бабе, закачивающей на руках плачущего ребёнка:

– Пожуй да дай ему...

– Спаси Христос!

Она жадно ломает зубами хлеб, торопливо жуёт его и... проглатывает.

– А ты ребёнку-то сначала дай, – укоризненно говорит ста-

рик.

– Дам, родной, дам, – сконфуженно говорит баба, снова жуёт и, вытащив пальцем из своего рта жвачку, отправляет её в рот ребёнка.

Ребёнок присасывается к её пальцу, раскрывает глаза, закрывает их и урчит... Это, знаете, странный такой голодный звук маленького животного, которое долго хотело есть и вот ест, наконец, – ест и радо всеми фибрами своего тела.

Рядом с бабой сидит на палубе, поджав колени, маленький старичок с красными больными глазами. Он поднимает голову к подавшему хлеб и, указывая на бабу, говорит:

– Дочь моя... со внуком.

– Так, – отвечает старик с нар.

– А вы кто будете? – допрашивает дед, ласково моргая глазами.

– Плотники...

– Издалече?

– С Васильсурского...

– А как там?

С нар несётся тяжкий вздох.

– Везде одинако истощала почва земли.

...В другом месте голодающих окружили матросы и сумрачно слушают рассказ бойкой бабы, обвешанной четырьмя детьми мал мала меньше.

– И вот, судари мои, как пришло нам совсем уж непомогуту, и надумали мы всей деревней в кусочки пойти... Больша-

ки же у нас кто куда по работу разбрелись, а мы вот собрали ребятшек, да и пошли: авось, мол, бог да добрые люди прокормят кое-как...

– Твои всё ребята-то? – спрашивает один из матросов.

– Не-е... двое-то, вот эти, мои... а эти двое – сестрицы...

Она приспособилась у меня на лесопильню в стряпухи, а ребятшек-то мне сдала... Вот я с ними и пустилась... авось, господь помилует!

– Трудно с четырьмя-то?..

– Да ведь что поделаешь!.. Терпеть надо...

...Около машины – группа детей. Они смотрят, привстав на цыпочки, в стёкла и переговариваются.

– Ишь, как ворочат! – говорит один.

– А масло-то... так и капаит!..

Один из них увлечён работой машины и, серьёзный, с надутыми щеками, должно быть, невольно подражает движению поршней, тыкая в воздух худыми кулачками. Быстро подходит ещё один маленький и чумазый человек, босой, в рваной ситцевой рубашке. Он дёргает товарищей за одежду и вполголоса, торопливо, с горящими глазами говорит:

– Братцы! Вон там стряпают повары – целых три... белые... говядины у них – страсть сколько!

– Подём поглядим...

– Прогонят, – нерешительно возражают ему.

– Ничего! Айда!

И, топая по палубе ножонками, покрытыми грязной ко-

рой, они идут прочь от машины, смотреть на говядину, которой «страсть сколько!»

...Мужик, высокий и худой, в бабьей кацавейке и в лохматой шапке на голове, стоя в группе пассажиров, рассказывает, умно и сконфуженно улыбаясь:

– Решились... потому что других ходов нету нам, кроме как по миру. Повздевали на себя что похуже, для жалости, стало быть, да и пошли...

– Пойдёшь, ежели выжимает из деревни-то!

– Пошли... думаем, всё-таки на людях...

– Конечно... человек человеку должен помочь...

Кое-кто из пассажиров третьего класса делится с ребятами хлебом; какая-то женщина в красном платье и с нахальным лицом взяла себе на руки беловолосую девочку лет двух и поит её молоком из бутылки. Человек в длинном чёрном кафтане, в шляпе и с длинными волосами, обрамляющими постное лицо, – очевидно, начётчик-старообрядец, – ломает колобашку на равные куски, а его окружили ребята и жадными глазами измеряют доли хлеба.

...На пароходе стон стоит... Плачут голодные дети у груди голодных матерей; матери поют и шипят, успокаивая их; всюду раздаются медленные, нескладные речи, прерываемые вздохами, и всё это, сливаясь с глухим гулом машины, образует скорбный шум, от которого в голове и на сердце становится тяжело и больно...

– Матрос-от подошёл с решетом, а повар-то почерпнул из

котла говядины – большущей такой ложкой! – и вывалил ему в решето, – раздаётся захлёбывающийся от волнения детский голос.

– Много?

– Ужаси!

– Пять фунтов?

– Бо-ольше!

– Нам бы...

Это – детские грёзы.

...Эх! «Истошала почва земли!..»